

UvA-DARE (Digital Academic Repository)

Ot aristokratskogo proshlogo k publichnomu naslediiu. Sravnitel'noe issledovanie russkikh i irlandskikh usadeb posle revoliutsii

Dooley, T.; Noack, C.

Publication date

2013

Document Version

Final published version

Published in

Na peresecheñiakh britanskoï istorii = On the crossways of British History: sbornik statei

[Link to publication](#)

Citation for published version (APA):

Dooley, T., & Noack, C. (2013). Ot aristokratskogo proshlogo k publichnomu naslediiu. Sravnitel'noe issledovanie russkikh i irlandskikh usadeb posle revoliutsii. In A. B. Sokolov, & A. M. Ermakov (Eds.), *Na peresecheñiakh britanskoï istorii = On the crossways of British History: sbornik statei* (pp. 82-127). IAGPU.

General rights

It is not permitted to download or to forward/distribute the text or part of it without the consent of the author(s) and/or copyright holder(s), other than for strictly personal, individual use, unless the work is under an open content license (like Creative Commons).

Disclaimer/Complaints regulations

If you believe that digital publication of certain material infringes any of your rights or (privacy) interests, please let the Library know, stating your reasons. In case of a legitimate complaint, the Library will make the material inaccessible and/or remove it from the website. Please Ask the Library: <https://uba.uva.nl/en/contact>, or a letter to: Library of the University of Amsterdam, Secretariat, Singel 425, 1012 WP Amsterdam, The Netherlands. You will be contacted as soon as possible.

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д.Ушинского»

The Historical Association

Ассоциация Британских исследований

**НА ПЕРЕСЕЧЕНИЯХ
БРИТАНСКОЙ ИСТОРИИ**

**ON THE CROSSWAYS
OF BRITISH HISTORY**

Сборник статей

Ярославль
2013

ББК 63.3 (4Вел)я43
УДК 93/99; 930.9
Н 126

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
ЯГПУ имени К. Д. Ушинского

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор М. Е. Ерин
(Ярославский государственный университет),
доктор исторических наук, профессор Ю. И. Лосев
(Рязанский государственный университет)

Н 126 **На пересечениях британской истории = On the crossways of
British History** : сборник статей / под ред. А. Б. Соколова и
А. М. Ермакова – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2013. - 211 с.
ISBN 978-5-87555-897-9

В сборник вошли статьи, подготовленные на основе докладов, прочитанных на второй международной научной конференции «Британия: история, культура, образование» (Ярославль, 24-25 сентября 2012 г.). Опубликованные в сборнике статьи представляют интерес для специалистов по всеобщей истории, международным отношениям, культуре и литературе Великобритании, историческому образованию, а также для студентов исторических факультетов.

This book includes articles prepared for the second International Conference "Britain: History, Culture, Education" (Yaroslavl, September, 22-24, 2012). Texts published in this volume are of interest for the researchers in the field of World History, History of International Relations, British culture and history, as well as for the students of the faculties of history.

УДК 99/93; 930.9
ББК63.3 (4Вел)я43

ISBN 978-5-87555-897-9

© ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского», 2013
© Авторы статей, 2013

Дули Т., Ноак Кр.

**От аристократического прошлого к публичному наследию:
сравнительное исследование русских и ирландских усадеб
после революций**

Введение

Заключительная глава новаторского исследования Присциллы Рузвельт о русской усадьбе, носящая заголовок «Шторм», начинается с рассуждения о том, как бы сегодня могли выглядеть величественные сельские особняки, если бы в 1917 г. культура знати не была «со всей жестокостью уничтожена»¹. Картина, которую она рисует, имеет черты сходства с Англией и Ирландией в настоящее время: «Безусловно, было бы меньше больших усадебных особняков, чем в 1916 г., поддержание их, возможно, финансировалось бы за счет посетителей, выставок останкивских сокровищ или юсуповского фарфора... Как и везде, многие усадебные дома в России, несомненно, разрушились бы, были проданы или снесены, чтобы освободить место для нового строительства»².

К настоящему времени сравнительные исследования по русскому поместью фокусировались на Англии больше, чем на Ирландии. Например, этому посвящена большая обзорная статья Джона Рэндольфа на книгу Рузвельт «Сельское поместье» и плодотворное исследование Питера Мэндлера «Подъем и упадок домов-усадоб». Отправным пунктом для Рэндольфа является очевидный контраст между Англией, «где два миллиона членов пополнили ряды армии защитников сельских усадеб, могучего Национального фонда опеки исторических памятников», и Рос-

сией, где «униженные руины могут только напомнить знаменитое суждение Чаадаева: «Нет даже и домашнего очага»³.

Можно утверждать, что сравнение России и Ирландии столь же поучительно, если не сказать больше. В Ирландии аристократическая культура, в основном воспринимавшаяся как английская и чуждая, утратила свою главенствующую позицию в 1916-1923 гг., в период социо-политического переворота и гражданской войны. Это совпало со временем упадка русской дворянской культуры. Как мы покажем ниже, значительная часть архитектурного наследия была утрачена, и в следующие десятилетия превалировало негативное политическое и общественное отношение к сельским особнякам. Великолепие, с которым сегодня смотрятся некоторые из этих домов, в каком-то смысле обманчиво; в случае с Ирландией, например, они расцвели в годы так называемого Кельтского тигра и переоценки их места в национальном наследии. В случае с Россией Рэндольф, основываясь на рекомендации Мэндлера изучать наследие в долгом времени, уже рассуждал о продолжении «прекрасной жизни [поместий]» в советских условиях после 1917 г. Мы стараемся показать, что элементы дворянской культурной *идиллии* и в самом деле пережили дома, сгоревшие во время революций и гражданской войны. Соответственно физически дома в поместьях сохранялись отчасти для практических нужд, а отчасти по причине пересмотра интерпретации русской культуры в советское время.⁴

© Т. Дули, Кр. Ноак, 2013

¹ Roosevelt Pr. Life on the Russian Country Estate: A Social and Cultural History. New Haven, L., 1995. P. 330.

² Ibid. P. 329.

³ Randolph J. The Old Mansion: Revisiting the History of the Russian Country Estate // Kritika 1, 4 (2000). P. 729-749, здесь - P. 729-730.

⁴ Ibid. P. 347-349.

*Ирландский случай: введение*⁵

В июле 2003 г. тогдашний министр образования и науки Ноэль Демпси (Noel Dempsey) [Фианна Фойл] был счастлив сообщить присутствующим в замке Трим (Trim Castle), графство Мит (Meath): «Наследие исторических зданий в Ирландии – это основополагающая и ценнейшая часть нашей идентичности. Оно устанавливает исторические связи внутри и за пределами наших берегов и демонстрирует наше сильное чувство национальной идентичности внутри общего европейского и, конечно, более широкого глобального наследия»⁶.

Но фактически только на рубеже XXI века ирландские политики, в целом, примирились с идеей, что сельские особняки должны рассматриваться как часть ирландского национального наследия. Задача первой части этой статьи состоит в том, чтобы показать, как прежняя память и традиционные националистические перцепции вынужденно стерлись, прежде чем сельские дома Ирландии стали популярными туристическими центрами. В следующем разделе исследуется происхождение таких перцепций, рассматривается, как они негативно влияли на правительственную политику в вопросах сохранения сельских домов в период непосредственно после приобретения независимости и, наконец, анализируется стечение факторов, которые на протяжении нескольких последних десятилетий повлияли на то, что сельский дом в Ирландии воспринимается сегодня не столько как символ колониального угнетения, а больше как важный аспект ирландского материального наследия.

⁵ Большая часть того, что говорится в этой статье об Ирландии, обсуждалось в разделе «Национальное наследие и политические перцепции ирландского сельского дома в Ирландии после обретения независимости». В кн.: Ireland's polemical past: views of Irish history in honour of R.V.Comerford / Ed. by T. Dooley. Dublin, 2010. P. 192-212. Для более широкого рассмотрения причин упадка ирландского землевладельческого класса см.: Dooley T. The decline of the Big House in Ireland: A study of Irish Landed Families 1860-1960. Dublin, 2001; а также: The Irish country house: its past, present and future / Ed. by T. Dooley and Chr. Ridgway. Dublin, 2010.

⁶ www.education.ie (Дата обращения - 1 Nov. 2007).

В Ирландии причины упадка сельского особняка, или «большого дома» (big house, термин, который амбивалентно сочетал почтение и отчуждение) были главным образом связаны с социо-политическими и экономическими обстоятельствами жизни ирландских лендлордов после 1870-х гг., а именно сокращением поместий, падением доходов (сначала с ренты, а затем и по вложениям), ростом демократии. Это совпало с резкими подъемами масштабной борьбы за землю, начавшейся с конца 1870-х гг., Первой мировой войной 1914-1918 гг., ирландской революцией 1916-1923 гг., последовавшей затем мировой экономической депрессией, если не говорить о личных причинах семейных бед⁷. В центре этих кризисных обстоятельств присутствовал и другой феномен: в конце XIX века была заново «открыта» ирландская нация. Это сыграло важную роль в возникновении политического и общественного негодования против сельских особняков в независимой Ирландии⁸. В Европе аристократические дворцы, особняки, замки и виллы подвергались разрушению по политическим причинам в разные времена, но к XX веку сложилось понимание, что их надо рассматривать как «национальную, а не особую аристократическую собственность». По-другому дело обстояло в независимой Ирландии, где среди политиков (и у широкой публики) было очень распространено представление, что сельские дома были (прежде) бастионами враждебного господства, построенными, чтобы собирать непомерную феодальную ренту. Из этого представления вытекали все соответствующие последствия, угрожавшие их сохранению⁹.

Земельные войны и революция, 1879-1923 гг.

Главный тезис заключается в том, что в конце XIX в. для ирландских националистов деревенские особняки стали физическим олицетворением в их местностях землевладельческой системы, основанной на господстве лендлордов, которая отверга-

⁷ Dooley Chr. The Decline of the Big House.

⁸ Об открытии нации см. фундаментальную работу: Comerford R. V. Ireland. L., N.Y., 2003.

⁹ Mandler P. The Fall and Rise of the Stately Home. New Haven, L., 1997. P. 3.

лась по социальным, экономическим и политическим причинам. Так было не всегда. Например, принадлежавший к «Молодым ирландцам» Томас Дэвис (Davis) (1814–45), кажется, не испытывал трудностей, оценивая эстетические качества сельских особняков и их живописных окрестностей. Превознося естественные красоты долины Блэкуотер (Blackwater Valley), Дэвис писал: «На ней каждое сочетание элементов дает ощущение живописности; к скалам и зеленым склонам добавляются шедевры искусства, видимые в волшебных домах и прекрасных виллах с их декорированными лужайками и полями для игр»¹⁰. Даже в 1882 г. радикальный сепаратист и враг лендлордизма Джон Девои (Devoy) все еще восхвалял принадлежавший лорду Лейнстеру (Leinster) «красивый дом, называемый Картон (Carton), с прекрасными полями», и писал о Лисморе (Lismore): «С трудом можно проследовать это место, не восхитившись чудесной атмосферой комфорта, которая пропитывает тебя»¹¹.

Однако по мере усиления земельных войн также усиливалась жесткая антиземлевладельческая риторика, предвещавшая будущее сельских особняков. Эта риторика успешно создавала представление о том, что от лендлорда пошли социальные, экономические и политические проблемы Ирландии. Те, кто пользовался этой риторикой – в выступлениях или прессе – имели выраженное намерение отчуждать класс лендлордов от широкой национальной общности.

Периодические издания и растущая популярная литература изображала лендлордов как «территориальных монстров»¹² или как «лиц, проживающих в другом месте, кормившихся рентой, обезлюдивших страну... принимавших законы в иностранном парламенте для своих несчастных крепостных дома»¹³. Их обвиняли в «кельтском обезлюденье, в грабеже «кельтской родины», что отражало тот факт, что с 1840-х гг. «кельтская Ирландия» стала синонимичной «гэльской», предшествовавшей

¹⁰ Davis Th. *Literary and Historical Essays* (1846). P. 215. Quoted in: Comerford R. V. *Ireland*. P. 240.

¹¹ Devoy J. *The Land of Eire*. N.Y., 1882. P. 50, 102.

¹² Lavelle P. *The Irish Landlord Since the Revolution*. Dublin, 1870. P. 259.

¹³ Davitt M. *The Fall of Feudalism in Ireland*. N.Y., 1904. P. xvii.

колонизации¹⁴. Со времени Майкла Девитта (Davitt), основателя Земельной Лиги, опубликовавшего свою версию этой истории в «Падении феодализма» (1904), рост ирландского национализма и возникновение ирландского движения, начиная с 1880-х гг., свидетельствовали о переосмыслении ирландской нации как исключительно националистичной, гэльской и католической, так что в коллективной идентичности места для лендлордов не оставалось¹⁵.

Важным моментом является то, что начиная с эры земельных войн, широко распространилось и укрепилось у националистов из всех слоев общества стереотипное восприятие ирландского лендлорда как иностранного угнетателя. Из этого вытекало представление, что сельский особняк не может рассматриваться как часть национального наследия. Вместо этого он воспринимался как дом для кучки, построенный и сохраненный за счет обнищания тех, кто проживал за стенами поместья. Так «Коннаг Телеграф» (Connaught Telegraph) провозглашал в 1879 г.: «Наши магнаты пируют в роскоши, в других странах недоступной королям. Их дворцы, игровые поля повсюду, украшенные сады действительно великолепны, и только жалкие лачуги их арендаторов, изнывающих от полной нищеты – это единственное, что портит прекрасный вид, который открывается из дома-резиденции лорда»¹⁶.

Когда поколение земельной войны уступило революционному поколению пост-1916 года, оно передало по наследству возмущение, усилившее отчуждение к ирландским лендлордам. Ветераны ИРА позднее заявляли, что были воспитаны на рассказах об английском угнетении (которые скорее чаще, чем реже, ассоциировались с угнетением со стороны лендлордов). Известный лидер ИРА из графства Типперэри Дан Брин вспоминал о влиянии Чарли Уолша (Charlie Walshe) (из Кормак Бритнач, Cormac Breathnach, позднее лорд-мэр Дублина), который учил поколение революционеров, включавшее его самого, Динни

¹⁴ Lavelle P. *Op. cit.* P. 273; Davitt M. *Op. cit.* P. xii; Comerford R. V. *Op. cit.* P. 70.

¹⁵ Comerford R. V. *Op. cit.* P. 9.

¹⁶ Connaught Telegraph. 1879. 30 August.

Лейси (Dinny Lacey), Шона Трисси (Sean Treacy) и Шона Хогана (Sean Hogan) «голым фактам об английском завоевании Ирландии и о способах, какими нашу страну удерживали связанной»¹⁷. Также и учитель Лиам Дизи (Liam Deasy) «постоянно прилагал усилия, чтобы избавить нас от рабологии и подхалимства, которого требовал класс землевладельцев-джентри. Вместо этого он старался взрастить чувство самоуважения и независимости»¹⁸. Том Бэрри рос с чувством возмущения к большим домам западного Корка, в которых «проживали видные британские лоялисты, в обилии и безопасности в своих огромных владениях, огороженных высокими стенами вокруг поместий»¹⁹.

В общем более трехсот поместий было сожжено после начала войны за независимость в 1920 г. и до конца гражданской войны в 1923 г.²⁰ Когда компания поджогов достигала разных пиков, имели место отдельные протесты, но они шли, главным образом, из ожидаемых источников, таких как редактор «Айриш Таймс», представители различных церковных организаций, собраты – владельцы сельских домов, отдельные националисты старой закалки из умирающей партии Гомруль²¹. После независимости правительственная политика, официальная и иная, не предполагала компенсации владельцам домов, пострадавших от потерь, или содействия их восстановлению²². В проекте обращения, с которым президент У. Т. Конгрейв (Congrave) должен был в марте 1923 г. выступить перед парламентом (Dail), отмечалось: «Фактически каждое заявление о финансовой поддержке

¹⁷ Breen D. *My Flight For Irish Freedom*. Dublin, 1981 (1st ed. 1924). P. 9.

¹⁸ Deasy L. *Towards Ireland Free: the West Cork Brigade in the War of Independence*. Cork, 1973. P. 2.

¹⁹ Barry T. *Guerilla Days in Ireland*. Dublin, 1981 (1st ed. 1949). P. 6.

²⁰ Это число подсчитано в: Dooley T. *The Decline of the Big House in Ireland*. P. 286-287. Тем не менее недавнее исследование, проведенное Джеймсом Донелли-младшим (Donnelly Jr) о домах, сожженных в Корке, основанное на большей группе источников, заставляет предположить, что необходима переоценка общих цифр по стране. См.: Donnelly J. Jr. *Big House Burning in Country Cork during the Irish Revolution, 1920-21 // Eire-Ireland*. 47, 3&4 (2012). P. 141-197.

²¹ Dooley T. *The Decline of the Big House in Ireland*. P. 192-195.

²² *Ibid.* P. 197-207.

экономических интересов сопровождается утверждением [лоялистов], что правительство может найти миллионы, чтобы компенсировать класс, который никогда не давал нации выгоды и пользовался доходом от рент, земель и т.д.»²³ Дефиниция нации здесь явно не включает прежнюю властную группу.

Было много других наносящих ущерб последствий поджогов; многие ценные предметы сгорели в пламени. Финансовые трудности вели к тому, что ценности утекали из Ирландии со времени Акта о землеустройстве в Ирландии, чтобы после пересечения Атлантики украсить дома возвышавшихся plutocratic семейств, таких как Вандербильты, Морганы и Рокфеллеры. Никаких общественных протестов по этому поводу не было ни тогда, ни в течение почти следующего столетия.

Однако банды ИРА, грабившие сельские особняки во время смуты, не были «варварами» или «филистимлянами», какковыми Корнелия Адаир считала тех, кто напав на Гленвач (Glenveagh) в августе 1920 г., «испортили четыре картины маслом определенной ценности и разорвали групповую фотографию, на которой был изображен лорд Китченер»²⁴. Они знали, что для них представлял Китченер – иконическая фигура империи, с которой они сражались; что же для картин, они были таким же символом чуждой культуры, как и ее большой дом. Их историческая (или материальная ценность) не представляла значения для людей, которые ни в какой мере не разделяли культурных представлений Корнелии Адаир. Тем не менее, есть некая сильная ирония в том, что в десятилетия после независимости местные жители стекались на аукционы в больших домах и покупали то, что могло послужить воспоминаниям, тогда как настоящие ценности уходили за границу.

Нет большого смысла рассуждать, что бы произошло, если бы после Великой войны появился парламент Гомруля, но стоит заметить, что те, кто пришел к власти, не имел такого культурного опыта, как Парнелл (Parnell) или Редмонд (Redmond). Сепаратисты не имели времени на аристократиче-

²³ National Archive of Ireland. Dept. of Taoiseach files. S. 2188.

²⁴ Cornelia Adair to Mr Roberts, 2 August 1920 (публичная выставка в Glenveagh Castle).

ские украшения. С перспективы большого дома демократизация или новое изобретение нации в эру после земельных войн означали, что успешные правительства независимой Ирландии не могли испытывать сочувствия к системе отношений или политике прошлого времени. Значение имело не столько разрушение меньшей части больших домов (возможно, менее 10%) во время революционного периода, а то, что в последующие десятилетия, в гораздо большей пропорции, дома были заброшены или разрушены.

Отношение правительства в Ирландии после независимости

Одной из серьезнейших социальных проблем, с которой столкнулось первое независимое правительство, все еще было перераспределение земель. С 1923 по 1965 гг. через череду земельных актов сельские дома и окружающие их земли и поместья, в большинстве случаев, отошли к фермерам²⁵. Во время дебатов в парламенте (Dail), как правило, отмечалось, что разделение поместий – это исправление великой исторической несправедливости и естественное завершение земельных войн 1880-х гг.

Когда министр по землям Патрик Хоган (Hogan) (1891–1936) в 1923 г. представлял билль ирландскому парламенту (Dail Eireann), депутат Дж. Берк (Boyrke) из графства Типперэри гордо заявил: «Я верю, что это событие всего лишь подразумевает конец завоевания Ирландии. Потому что завоевание Ирландии было завоеванием ирландских земель, отнятием ирландских земель у ирландских владельцев, завоеванием ирландцев иностранцами, державшими владения от иностранного короля. В новом законе заметен видимый признак и символ победы галльцев над галлами, победы потомков людей кланов... Я верю, что эта мера представляет честную, и, насколько это возможно, успешную попытку покончить с пережитками аграрных проблем, одного из наихудших последствий британского негодного правления в Ирландии. Я верю, что когда всякая справедливость восторжествует, лендлордам воздастся. Я верю, что арендаторы

²⁵ Более подробно см.: Dooley T. "The Land for the People": the Land Question in Independent Ireland. Dublin, 2004.

получат по справедливости. Я верю, что это делает честь правоспособности нации, и уже за это я рад поддержать его (акт)»²⁶.

В обществе, в котором перераспределение земли рассматривалось как ключ к финансовой безопасности, большой дом был единственным препятствием, которое требовалось устранить, при необходимости физически. Почти на столетие раньше Томас Дэвис сожалел о мародерстве в исторических местах в Ирландии XIX в.: «Все классы, вероучения и виды политики виновны в этом. Крестьянин уносит столб для своего хлева, фермер для ворот, священник для церкви или церковного участка». То же можно сказать и о сельских домах в XX веке, только фермер теперь использовал конструкции сельских особняков для своего хлева, и Комиссия по землям рекомендовала разрушать их, чтобы использовать материал для строительства хижин для работников. В 1944 г. министр по землям Шон Мойлан (Moylan) (от партии Фианна Фойл) информировал парламент: «Резиденции на землях, перешедших к Комиссии по землям, для раздела, которые непригодны для передачи их мелким арендаторам, могут быть разрушены для того, чтобы обеспечить материалом строительство маленьких домиков для мелких арендаторов, или могут продаваться на публичных аукционах»²⁷. Тремя годами раньше Мойлан при обращении к тому же парламенту выразил свою позицию гораздо более жестко: «В целом, подавляющая часть больших домов, которые я знаю, а я хорошо с этим знаком, небезупречно конструктивно, не имеют художественной ценности и не представляют исторического интереса. С моей не изменяемой точки зрения я бы сказал, что это надгробные памятники ушедшего владычества, и чем быстрее их не будет, тем лучше. Они бесполезны»²⁸.

В основе ответа Мойлана лежал тип культурного отчуждения, характерный для отношения националистов к сельским домам на протяжении поколений. Сами бывшие владельцы осо-

²⁶ Dail Debates. Vol. 3. 28 May, 1923. P. 1164-1165.

²⁷ Dail Debates. Vol. 92. 23 February, 1944; www.oireachtas-debates.gov.ie/plweb-cgi/fastweb?stae_id=1227534811&view (Дата обращения - 24 Nov. 2008).

²⁸ Dail Debates. Vol. 93. 2 May, 1944. P. 1852.

знавали, с чем они столкнулись. Л. П. Куртис - младший (L. P. Curtis Jr) назвал это «тяжелым выбором между наложенной на себя эмиграцией и проживанием рядом с новыми хозяевами»²⁹. Многие предпочли проживать постоянно в другом месте, другие приезжали только от случая к случаю, ибо, как Эндрю Девоншир (Devonshire) из Лисмор Кастл (Lismore Castle), чувствовали, что их отделили от нации: «Даже проживая там (в Лисморе) в течение некоторого времени каждый год на протяжении пятидесяти лет и считая многих ирландцев друзьями, я не чувствую себя частью ирландского сообщества. Правда в том, что любой англичанин, даже если его семья владела в Ирландии собственностью веками, воспринимается как англичанин... Но для меня республика – это скорее любовница, которую посещают, чем жена, с которой живут».³⁰

Сельские дома как часть ирландского наследия

Архитектурное наследие, в сущности, может интерпретироваться как «материальное наследие прошлого, принадлежащее гражданам в настоящее время, благодаря своему важному вкладу в национальную историю»³¹. Наследие может и включать, и исключать, и в первые годы независимости культурные артефакты прежней власти не считались приемлемой частью «нарратива о достижениях нации»³². Таким образом, на протяжении десятилетий широко сохранялось восприятие архитектурного величия XVIII и начала XIX вв. как символа доминирующей элиты – лендлордов – воздвигнутого за счет обнищания ирландского народа. Исторические ассоциации превзошли архитектурное значение.

²⁹ Curtis L. P. Jr. The Last Gasp of Southern Unionism: Lord Ashtown of Woodlawn // Eire-Ireland. 2005. Vol. 40. N 3&4. P. 140.

³⁰ Devonshire A. Accidents of Fortune. Norwich. 2004. P. 108-109.

³¹ Mandler. The Fall and Rise of Stately Home. P. 7.

³² Comerford. Op. cit. P. 46, 249. Конечно, следует помнить, что и в Британии отношение мало чем отличалось: «На сельские особняки слишком легко нападают – в них видят основу для воспитания и воодушевления паразитического общества, существующего за счет эксплуатации рабочего класса, образ жизни для удовольствия, достигаемый за счет труда других» (Teggin H. Domus Britannicus: What Future for the Country House? // The Architect's Journal. 1979. 24 Jan. P. 166.)

Типичным примером полной апатии к сохранению сельских домов является случай с Макрос Хаус (Muckross House) в Килларни (Killarney), переданном в дар государству в 1932 г. Тогдашний президент Исполнительного комитета приветствовал Борн Винцентс (Bourn Vincents) «за великую щедрость и прекрасный пример общественного духа, который они продемонстрировали», а У. Т. Кострейв рассматривал их поступок как «замечательный, очень щедрый и ценный дар»³³. Но правительства одно за другим ничего не делали с этим домом (только освободили его от многих предметов, чтобы обставить президентскую резиденцию Áras an Uachtaráin в Дублине). Наконец, в какой-то момент, в 1950-х гг. в «Айриш Таймс» появился печальный доклад: «Макросс Хаус остается молчаливым и одиноким стражем на побережье озера Среднего. Поскольку правительства не решили, как его использовать, кажется, что вскоре он неизбежно разрушится»³⁴. Только в 1964 г. дом был открыт для публики; сегодня это одна из главных туристических достопримечательностей в юго-западной Ирландии.

В первые десятилетия независимости правительства просто не формулировали какой-то политики по отношению к домам, ставшим государственной собственностью. До введения законов о правильном планировании работы во многих принадлежавших государству домах велась почти без учета требований консервации. Структура строений значительно пострадала, когда их превращали из резиденций в исследовательские центры (Джонстаун Кастл, графство Уэксфорд), (Johnstown Castle, County Wexford), сельскохозяйственные колледжи (Бэлликхейз, графство Кэйвэн) (Ballyhaise, County Cavan), тюрьмы (Шелтон Эбби, графство Уиклоу), (Shelton Abbey, County Wicklow) и так далее³⁵.

В отличие от ландшафтов большие дома не воспринимались как часть национального наследия – тогда как в Британии стало возможным «распространение идеи о том, что аристокра-

³³ Dail Debates. Vol. 45. 7 December. 1932. P. 947-948.

³⁴ Irish Times. 1954. 29 June.

³⁵ См.: Dooley T. A Future for Irish Historical Houses: A Study of Fifty Houses. Dublin, 2003. P. 23.

тическая собственность каким-то магическим и неуловимым образом становится и собственностью народа»³⁶. Таким образом, правительство очень медленно ступало на путь заботы и траты средств на их сохранение. Такая ситуация сохранялась приблизительно до 1970-х гг., когда туристическая индустрия осознает потенциал сельских домов, но даже тогда это коснулось тех зданий (Макросс, Киларни Хаус, Гленвах в Донегале) (Glenveagh in Donegal), вокруг которых были привлекательные сады и большие парки. После принятия Акта о национальных монументах в 1929 г.³⁷, который, в общем-то, провозглашал, что руины предпочтительнее нетронутых зданий, Тимоти Шихи (Timothy Sheehy) из Западного Корка акцентировал важность сохранения того, что осталось от замка О'Салливан Бира (O'Sullivan Beare) в Кастихавене (Castlehaven): «Это был замок, из которого О'Салливан Бир после последнего великого сражения за ирландскую свободу отплыл в Испанию. Сейчас от него остались только руины, но они священны для страны; этот билль, внесенный правительством, позволит их сохранить; они будут стоять монументом, напоминающим молодому поколению о том, что делалось в старые добрые времена, чтобы спасти нашу независимость и победить»³⁸.

Он благодарил Бога за то, что «нация теперь в наших собственных руках» и что «памятники героизма наших предков» будут сохранены. «Наши руки» очевидным образом исключали бывший правящий землевладельческий класс, а под «нашими предками» подразумевались представители старого гэльского правящего класса, такие как О'Салливан Бир, после поражения правящего класса, такие как О'Салливан Бир, после поражения гэльских вождей при Кинсейле (Kinsale) в 1601 г. совершивший героический поход с тысячей своих сторонников из Корка в Лейтрим (Leitrim).

Господствующее отношение к сохранению сельских домов, конечно, может быть понято в контексте политической ат-

³⁶ См.: Colley L. Britons: Forging the Nation, 1707-1837. New Haven, L., 1992. P. 174-177.

³⁷ An Act to make provision for the protection and preservation of national monuments..., no. 2/1930 [26 February, 1930].

³⁸ Dail Debates. Vol. 32. 24 October, 1929. P. 251.

мосферы, которая продолжала оставаться остро напряженной. Настроение ума и идеология тех, кто находился у власти, по-прежнему в большой мере диктовались эмоциональными воспоминаниями о земельных войнах и британском угнетении, выдвигавшимися на первый план тем или иным депутатом почти всякий раз, когда в центре дебатов оказывались вопросы, связанные с землей или установлением Ирландской республики. Также немаловажно, что в течение десятилетий после завоевания независимости правительство в финансовых вопросах носило смиренную рубашку. Оно не могло тратить на сохранение сельских домов тогда, когда надо было решать другие социальные проблемы. Когда во время дебатов по земельному вопросу в 1948 г. независимый депутат от Лонгфорд-Вестмита (Longford-Westmeath) Чарльз Фейган (Fagan) допустил редкое в парламенте высказывание, что «кричащий позор последних 15 или 20 лет состоит в том, чтобы видеть, как разрушаются особняки и большие дома», он был прерван представителем юго-центральной части Дублина Коном Леханом (Con Lehane): «Нам нужны не особняки, а дома для народа»³⁹.

Социальный приоритет совершенно явно артикулировался в 1970 г. в палатах парламента Кевинем Боландом (Boland), тогда министром местного управления от партии Фианна Фойл⁴⁰. Эту речь часто цитировали как атаку на Ирландское Георгианское общество и его сторонников, и ее лучше всего понять в контексте того времени. Боланд заявлял: «Желательно сохранить, насколько это возможно, георгианский район моего родного города»⁴¹. Я также согласен с тем, что и за пределами

³⁹ Dail Debates. Vol. 111. 3 June. 1948. P. 400.

⁴⁰ Надо понимать, что Боланд был одним из самых крайних националистов в партии Шинн Фейн (Sinn Féin). Его отец, Геральд, был одним из основателей партии, а дядя, Гарри, видная революционная фигура, был убит в гражданской войне. Позднее в 1970 г. Кевин Боланд ушел в отставку в знак солидарности с Нейлом Блени (Neil Blaney) и Чарльзом Хохи (Charles Haughey) в связи с их исключением из правительства за предполагаемую вовлеченность в снабжение временной ИРА оружием.

⁴¹ Георгианская архитектура (англ. Georgian architecture) - широко распространенное в англоязычных странах обозначение архитектуры, характерной для XVIII в.

Дублина много примеров георгианской архитектуры, которая, если это возможно, достойна сохранения; я также откровенно признаю, что это часть нашего национального наследия, но только лишь часть»⁴². Это было явно сказано для видимости, в самом деле Боланд был раздражен тем, что «фиглярство» кучки эстетов и студентов вызвало медиа-налет за сохранение георгианского Дублина. Он воспринимал эту группу как меньшинство и заявлял в парламенте от имени предполагаемого большинства: «Я думаю, что внушительные фасады георгианских домов, широкие лестницы, прекрасная лепнина, каминь, сделанные Робертом Адамом, и так далее вполне достойны сохранения, но я думаю, что не вредно напомнить людям, для которых все это фетиш, и которые томятся от безделья после дня роскошной жизни, что каждый пример, ими обозначенный, так же имеет темный и мрачный подвал и грязную лачугу на задней аллее»⁴³. Он ясно утверждал, что социальная забота перевешивает сохранение (зданий): «Я ничуть не извиняюсь, говоря: физические нужды народа имеют приоритет перед эстетическими потребностями лорда и леди Гиннесс (Guinness) и депутатов доктора Фитцджеральда (FitzGerald), доктора Брауна (Brown) и Десмонда (Desmond) и других депутатов и докторов, которые у нас есть. Я ничуть не извиняюсь, говоря: пока я министр местного управления и пока потребности людей в жилье, воде и канализации остаются неудовлетворенными, ни один пенни, переданный в мое министерство, не будет израсходован на сохранение (зданий), сколь бы желательным это ни было»⁴⁴.

Последующие годы характеризовались растущей инфляцией, нехваткой энергии и недостатком уверенности в экономическом развитии. Общественное финансирование было ограничено продолжавшейся рецессией, поэтому правительство уделяло мало внимания лобби, добивавшемуся сохранения особняков. Сельские дома разрушались, так как налоговые правила делали более выгодным разваливать их (по крайней мере, сносить с них крыши), чем платить непомерно высокие местные сборы. К

⁴² Dail Debates. Vol. 245. 11 March. 1970. P. 167.

⁴³ Ibid. P. 168-169.

⁴⁴ Ibid. P. 168.

началу 1970-х гг. сотни больших домов в Ирландии исчезли: Туденхэм (Tudenham) в Вестмите (Westmeath), Дартри (Dartrey) в Монагеме (Monaghan), Дунсэндль (Dunsandle) в Голуэй (Galway), Френчпарк (Frenchpark) в Роскоммоне (Roscommon), Дромор (Dromore) в Лимерике, если назвать только некоторые⁴⁵. В 1970-е гг. Малахайд (Malahide) с имуществом был предложен государству семьей Тэлбот де Малахайд (Talbot de Malahide) в обмен на долги по налогам, но по указанию министра финансов Ричи Райана (Richie Ryan) дом и движимое имущество были выставлены на аукцион. Райан и правительство не были озабочены им как национальным владением и достоянием, сохранившимся со средневековья, а хотели путем распродажи имущества получить средства для образования, социальной помощи и т.д. В такой ситуации трудно возлагать на собственников ответственность за неспособность лоббировать в правительстве защиту своих домов.

Представления в Ирландии меняются

Итак, когда все изменилось? Как Ирландия пришла к тому, что в 2003 г. премьер-министр Берти Ахерн (Bertie Ahern) провозгласил: «Большой Дом занимает особое место в истории ирландской архитектуры. Когда-то не рассматривавшиеся как часть нашего национального наследия, эти удивительные здания XVIII и XIX вв., построенные ирландскими строителями, сегодня все больше ценятся за их архитектурное значение и за богатое великолепие внутреннего убранства, созданного ирландскими ремесленниками. Сохранение этой важной части материального наследия Ирландии – важнейшая забота правительства?»⁴⁶

Ключ к пониманию изменений в политическом (и общественном) отношении в большой степени лежит в использовании Ахерном слова «ирландский» в вышеприведенной цитате; он подчеркивал, что они были построены «ирландскими строителями», украшены «ирландскими ремесленниками», занимают «особое место в истории ирландской архитектуры». Меньше чем

⁴⁵ Более полный, но отнюдь не исчерпывающий список см.: The Knight of Glin, Griffin D.J., Robinson N.K. Vanishing Country Houses of Ireland. P. 2.

⁴⁶ Ahern B. Foreword // Dooley T. A Future for Irish Historic Houses. P. 2.

за полвека до того, как защитники домов впервые осознали, что может служить ключом, открывающим политические убеждения (и правительственные сундуки), большому дому предстояло быть переосмысленным в качестве части национального достояния. В 1957 г., когда Десмонд Гиннес в письме в «Айриш Таймс» предложил восстановить Ирландское Георгианское общество, он утверждал, что задача новой организации, среди прочих, заключалась в том, чтобы «пробудить интерес к наследию георгианской архитектуры в Ирландии»⁴⁷. Чтобы вызвать изменения, надо было сформулировать аргумент (а в отношении ряда частных домов его изобрести), что сельские дома в той же степени результат ирландского влияния, что и английского.

Это создавало трудности и внутри, и вне сельского дома. Внутри (т.е. у владельцев особняков) сохранялось предпочтение ко всему английскому. Многие не сумели, а другие сознательно избегали интеграции в ирландское общество, несмотря на попытки таких, как Элизабет Боуэн (Bowen) убеждать их в том, что «у барьера две стороны»⁴⁸. Для большинства из них Британия оставалась духовным домом, а в практическом смысле местом, где в привилегированных частных учебных заведениях (public schools) обучали сыновей и откуда начинались их карьерные амбиции.

Вне дома идея, будто сельский дом должен считаться частью национального достояния, никогда не продавалась легко. Единственное, что могли выдвигать в поддержку своей позиции сторонники этой идеологии – то, что 1960-е гг. принесли и другие изменения в Ирландию. Это было время относительного экономического процветания и растущего оптимизма. Ирландия все больше становилась городской страной и все меньше мучилась земельным вопросом (последний важный земельный акт был принят в 1965 г.) Общество становилось менее религиозным. Это началось с того, что католическая церковь теряла влияние на культуру общества; в период республики религия и

⁴⁷ См.: O'Byrne R. The Irish Georgian Society: A Celebration. Dublin, 2008.

⁴⁸ Bowen E. "The Big House" // Lee H. (ed.). The Mulberry Tree: Writing of Elizabeth Bowen. L., 1986. P. 30.

национальность более не были синонимами. Как разъяснял Винсент Комерфорд, «в расчет надо принимать и большую мягкость в политико-историческом отношении к прежней власти»⁴⁹. Улучшения в образовании и особенно введение всеобщего бесплатного начального и среднего образования в 1967 г. привели к постепенному расширению поддержки со стороны лучше образованной аудитории. Хотя Кевин Боланд произнес свою речь в 1970 г., поток начал медленно менять направление.

Ирландия вступила в Европейское Экономическое Сообщество через три года после речи Боланда. Это имело решающее значение, потому что теперь сельские дома страны следовало рассматривать в гораздо более широком европейском контексте. Отныне можно было сказать, что Ирландия, в противовес Британии, «принадлежит» к Европе, и эта новая связь не была оскверненной исторически. Более того, и в общей, и в частной перспективе европейские деньги были слишком важны, чтобы игнорировать международные хартии и соглашения, направленные на информирование, определение правительственной политики и законодательство по вопросам сохранения архитектурного наследия⁵⁰. В некоторых случаях Ирландия затягивала подписание таких хартий (почти на двадцать лет в случае с документом ЮНЕСКО «Конвенция о защите мирового культурного и национального наследия»; в 1976 г. Ирландия была единственным членом ЕЭС, у которого отсутствовал официальный национальный реестр зданий)⁵¹. Однако к 1991 г. правительство постепенно приняло идею, что «каждая государственная партия соглашается признать: обязанность по обеспечению идентификации, защиты, консервации, сохранения и передачи этого

⁴⁹ Comerford V. Op. cit. P. 118, 249.

⁵⁰ DoEHLG (Department on Environment, Heritage and Local Government). Architectural Heritage Protection: guidelines for planning authorities. Dublin, 2004. P. 14.

⁵¹ Knight of Glin et al. Vanishing Country Houses. P. 8. В том же году учреждение Э. Мак Парландом и Н. Робинсоном Ирландского Архитектурного Архива помогло восполнить этот пробел.

наследия будущим поколениям лежит, главным образом, на государстве»⁵².

Тем временем ирландское правительство в ответ на возрастающее давление со стороны защитников исторического наследия действительно осуществило разные меры, которые давали владельцам сельских домов передышку. Через центральные и местные власти, правительственные учреждения, такие как Bord Failte (Ирландское управление для развития туризма), что иллюстрирует: новый взгляд предполагал признание ценности сельских домов для развития туризма, доступными стали гранты. В то же время фонды для офиса общественных работ (Office of Public Works) на консервацию старинных зданий, имеющих историческую и архитектурную ценность, выросли с 580 000 ф.ст. в 1973-74 гг. до 1,7 миллиона ф.ст. в 1976 г.⁵³

Но одновременно с увеличением поддержки росло число домов, требовавших помощи. В феврале 1974 г. ставки душевого налога, введенного под предлогом перераспределения богатств, тяжело ударили по историческим домам, имуществу в них и садам. К 1977 г. по меньшей мере пятнадцать домов были выставлены на продажу или брошены, а в 1976 г. стал «годом, когда художественные коллекции больших домов вынужденно выставлялись на аукцион»⁵⁴. Отвечая на этот кризис, Ирландский национальный фонд (The National Trust for Ireland) «An Taisce» опубликовал в 1977 г. под редакцией Эдварда Мак Парланда и Николаса Робинсона доклад «Наследие в опасности» (Heritage at Risk), в котором подчеркивал, что «архитектурное наследие, представленное сохранившимися в стране сельскими домами, имеет не только национальное, но и европейское значение». В докладе большие дома приветствовались как «творения ирланд-

⁵² DoEHLG. Architectural heritage protection. P. 14.

⁵³ Heritage at Risk: A Digest of An Taisce's Report on the Future of Historical Houses, Gardens and Collections in the Republic of Ireland / Ed. by E. McParland and N. Robinson. Dublin. 1977, P. 30.

⁵⁴ Gabrielle Williams to editor in "Irish Times", 8 January, 1977. Цит. по: McParland E., Robinson N. Op. cit. P. 16.

ских и других архитекторов огромного художественного значения»⁵⁵.

Последующие правительства отреагировали на некоторые рекомендации доклада «Наследие в опасности» налоговыми уступками в бюджете 1978 г. и позднее в разделе 19 Закона о финансах 1982 г. (в дальнейшем раздел 482 Закона о консолидированном налогообложении 1997 г.), которые позволяли собственникам компенсировать стоимость восстановления исторических зданий и получить налоговые льготы при условии, если публика на разумных основаниях имеет доступ в них⁵⁶. К 2005 г. двести собственников (не только сельских домов) извлекали выгоду из раздела 482⁵⁷. Последовали другие доклады и влиятельные публикации, и все они выдвигали на первый план необходимость защитить будущее сельских домов, в особенности находящихся в собственности семей потомков первоначальных владельцев, обладающих сохранившимися важными коллекциями.

В 1987 г. премьер-министром д-ром Гарретом Фитцджеральдом (Garret FitzGerald) (от партии Фине Гэл), был основан Совещательный Комитет по наследию «для выработки рекомендаций правительству по сохранению архитектурного наследия Ирландии и осуществлению расходов по сохранению и ремонту исторических зданий, находящихся во владении частных лиц, из средств Национальной лотереи»⁵⁸. Его преемник Чарльз Хоги (Houghy) (от партии Фианна Фойл) основал Национальный Совет по наследию с более широкими функциями, включившими археологию, сады, ландшафт и дикую природу как исторические приоритеты. Внимание правительства к архитектурному наследию за последние пятнадцать лет существенно возросло, но еще оставалось не до конца определенным: лоббисты полагали, что

⁵⁵ McParland E., Robinson N. Op. cit. P. 9.

⁵⁶ Здесь нельзя игнорировать того, что происходило в Англии: См. чрезвычайно важный доклад Джона Корнфорта "Country Houses in Britain: Can They Survive" (1974), а также его же: The Country Houses of England 1948-1998. L., 1998. P. 6.

⁵⁷ Irish Independent. 2006. 22 March.

⁵⁸ Knight of Glin et al. Vanishing Country Houses. P. 7.

сменявшиеся правительства в течение этого периода «были внимательны, но действовали не всегда одобряюще»⁵⁹. Это было вполне понятно при дефиците в расходах. 1980-е будут вспоминаться и по иным причинам, чем неясность правительственной политики по защите строительного наследия.

В 1988 г. вслед за выставкой «Разрушение сельских домов 1875-1975», проведенной в Лондоне десятью годами ранее, в Дублине была организована выставка, сопровождавшаяся выходом в том же году публикации «Исчезновение сельских домов в Ирландии» (под ред. кавалера Глина, Николаса Робинсона и Дэвида Гриффина). Стоит заметить, что в Ирландии вместо термина «разрушение» использовался термин «исчезновение», возможно, из-за того, что он более политически нейтрален⁶⁰. Высказывалось мнение, что в Ирландии происходит прогресс по той же линии, что и в Англии, где «более широкие, свежие и менее метрополистские основания легли в основу дела сельских домов»⁶¹.

Эти доклады и публикации имели одно общее: все они ссылались на то, что продолжающееся разрушение сельских домов ведет к «потерям национального наследия». Комитет «Ирландская историческая собственность» (The Irish Historic Properties Committee) ставил цель защитить «то немногое, что осталось от великого национального наследия архитектуры, садов и коллекций», и настаивал в 1985 г., что «мы как нация должны действовать немедленно»⁶². Официальный путеводитель Ассоциации Ирландских туристических домов и садов (The Historic Irish Tourists Houses and Gardens Association) заявлял, что она «служит национальным целям, помогая обеспечить доступ к живой истории»⁶³. Как и другие организации и авторы докладов, она

⁵⁹ Ibid. P. VI.

⁶⁰ Благодарю Кристофера Риджвея (Ridgway) за то, что он поделился мыслями по этому вопросу.

⁶¹ Mandler. Op. cit. P. 406.

⁶² Report of the Irish Historic Properties Committee: Safeguarding Heritage Houses (1985). P. 3, 5.

⁶³ НИТНА. Castles, Houses and Gardens of Ireland open to the Public (n.d.) P. 1.

осторожно не упоминала о колониальном прошлом. Вместо этого Ассоциация утверждала: ирландские дома дают уникальный доступ к истории Ирландии. Такие дома, как Клоналис (Cloanalis), продвигались как «дома потомков последних королей Ирландии, О'Конор Дона (O'Conor Don), ирландских рукописей и книг, восходящих к XIII в. Лиссадел (Lissadell) рекламировался как дом ирландских революционеров графини Маркевич (Markievicz) и Евы Гор Бут (Eva Gore Booth)⁶⁴. В 1988 г. кавалер Глин выхолостил колониальное прошлое, когда писал в «Исчезновении сельских домов в Ирландии»: «Даже если рассматривать высший класс как иностранцев, ремесленники и строители были ирландцами. Наивному представлению, что эти дома - в основном памятники ушедшему колониализму, надо сопротивляться, фактически это дома сокровищ ирландских умений»⁶⁵. В 1992 г. в докладе Совета по национальному наследию говорилось, что многие мастера и архитекторы, которые строили дома в Ирландии, были иностранцами, но «их умения скоро перешли к ирландским ремесленникам, добавившим ирландское измерение, еще больше обогатившее наше наследие»⁶⁶.

Так к концу 1980-х гг. переосмысление значения сельских домов в Ирландии шло полным ходом, и их владельцы почувствовали оптимизм, что «политическое отношение к собственникам исторического наследия изменилось и, по крайней мере, есть желание принять во внимание их проблемы»⁶⁷. К весне 1991 г. один из самых влиятельных собственников Десмонд Фитцджеральд, кавалер Глин, был ободрен тем, что премьер-министр Чарльз Хоги «озаботился будущим наследия, находящегося в частной собственности, и предложил Комитету по национальному наследию начать диалог для обсуждения проблемы собственности в историческом наследии, налогов, про-

⁶⁴ Ibid. P. 2, 78.

⁶⁵ Knight of Glin et al. Vanishing Country Houses. P. 28.

⁶⁶ National Heritage Council. Report of Sub Committee (Heritage Properties) on Legislative Provisions Designed to Assist the Maintenance and Succession to Heritage Properties. Dublin, 1992. P. 3.

⁶⁷ Susan Kellet to Lord Henry Mount Charles, 7 November 1991 (in private possession).

явив особый интерес к тем домам, которые остаются у семей прежних владельцев, и сохранившимся в них предметам»⁶⁸. Его дом, Глин Каствл (Glin Castle) в Лимерике, был одним из очень немногих сельских домов, оставшихся во владении потомков первых владельцев, в то время, когда в Британии звучали увещания, что «с точки зрения национальной политики самым эффективным с точки зрения экономии способом сохранения исторических домов, их окрестностей и сохранившегося в них имущества в нетронутном виде является поощрение семей к тому, чтобы дома оставались под их опекой и в их владении»⁶⁹.

Четверть века спустя после присоединения к Европе и подписания различных хартий и манифестов для политиков было важно представить ирландское правительство не просто как поборника ирландского, но также и европейского наследия. В 2003 г., ровно через 80 лет после окончания гражданской войны в Ирландии, кульминацией лоббизма стало решение правительства страны создать Ирландский фонд наследия (Irish Heritage Trust), благотворительную организацию для заботы об исторической собственности, домах и садах по всей Ирландии. Это решение вытекало из рекомендаций, содержащихся в докладе совместной комиссии правительства и Ирландского Георгианского общества, опубликованного в 2003 г.⁷⁰ Это стало возможным, потому что имело место совмещение ряда факторов, в том числе переосмысление роли сельского дома; растущая урбанизация и одновременное смягчение аграрной проблемы; подкрепляющее лоббирование со стороны различных заинтересованных структур; рост общественного признания и оценок архитектурного наследия вследствие успехов в образовании; и, в частности, создание Центра по изучению исторических домов и поместий Ирландии в Национальном университете Ирландии Мэйнот (Maynooth) в 2004 г. Тогда это было единственное частно-государственное предприятие в Ирландии и Соединенном коро-

⁶⁸ Desmond FitzGerald to Susan Kellel, 13 April 1991 (in private possession).

⁶⁹ Nicholas Prins to Lord Killanin (председатель Комитета по национальному наследию), 9 January 1991 (in private possession).

⁷⁰ Doodley T. A Future for Irish Historic Houses? Dublin, 2003.

левстве, созданное при поддержке Департамента общественных работ. Кроме этого, драматический рост числа публикаций, пробивавших брешь в академическом и общественном мнении; попытки многих образованных чиновников в Департаменте общественных работ и Департаменте защиты среды, наследия и местного управления, которые направляли правительственную политику и разрабатывали соответствующее законодательство – имели решающее значение для защиты сохранившихся домов⁷¹. Наконец, добавим к этому воздействие экономики Кельтского тигра (Celtic Tiger), сделавшей модным делом для новой богатой элиты покупку и реставрацию сельских домов с тем, чтобы придать им первоначальное величие. Так были спасены Эбби Лиинше (Abbey Leix) в Лиинше (Laois), Стэкален (Stackallen) в Мите, Каствл хайд (Castle Hyde) в Корке, Каствлтаун Кокс (Castle Town Cox) в графстве Килкени (Kilkenny). Другие выиграли, став гостевыми домами или частью иных коммерческих предприятий, особо отметим с чувством восстановленный Картон Хаус (Carton House) в Килдаре (Kildare)⁷². Одним из интересных и важных частных приобретений был Строкстаун (Strokestown Park House) в Роскоммоне (Roscommon). В 1979 г. местный бизнесмен Джим Кэллэри (Callery) купил его с намерением разрушить и расширить свой гаражный бизнес, но обнаружение в доме архива *in situ* изменило его планы⁷³. Сегодня роль дома иная: в нем разместились Музей истории великого национального голода 1845-51 гг. и экспозиция по истории большого дома.

Если в прошлом дома, которые перешли во владение государства, такие как Макросс, в течение десятилетий не использовались, или перестраивались для других нужд, таких как

⁷¹ Особенно важными были: Закон об архитектурном наследии и исторических памятниках 1999 г.; Закон о планировании и развитии 2000 г.

⁷² См о Картоне: Ridgway Chr. Country Life. 18 February. 2009; Lumley Parklands and Gardens // An Taisce. 2007. Summer; Howley J. Carton: From ducal mansion to country house hotel // Irish Arts Review. 2007. Spring; о приспособленных зданиях: www.hidden-ireland.com; а также: Bord Failte. Tourism Development Plan. 1976-80.

⁷³ Выступление Джима Гэллэри на второй ежегодной конференции по историческим домам Ирландии, NUI Maynooth, 11 September 2004.

колледжи, школы, тюрьмы и т.д., с 1990-х гг. началось восстановление сельских домов для получения доходов государством и удовольствия публики. Два наиболее знаменательных примера из 1990-х гг. и начала XXI века – это Фармлех (Farmleigh) и Каствлтаун (Castletown). На восстановление обоих Департаментом общественных работ (OPW) были затрачены огромные (даже небесспорные) суммы. В то время как в 2005 г. правительство предоставило 10,6 миллиона евро в виде грантов и других форм поддержки частным лицам и еще 32 миллиона OPW израсходовал на исторические достопримечательности, находящиеся под его защитой, государство оказалось просто не в состоянии выкупить другие важные дома, появившиеся на рынке. Тем более в 2003 г. продажа Лиссадела (Lissadel) в графстве Слиго (Sligo) в частные руки произошла на фоне широких призывов к государству со стороны общественности выкупить его.

3 июля 2006 г. министр по делам окружающей среды, наследия и местного управления, находясь в Расборо Хаусе (Russborough House), графство Уиклоу (Wicklow), официально объявил Ирландский фонд по наследию (Irish Heritage Trust) ограниченной компанией с благотворительными целями, управляемой независимым советом и получающей государственную поддержку в первые годы. В декабре 2007 г. Фонд приступил к охране своей первой собственности Фота Хаус (Fota House) графстве Корк. Остаются серьезные вопросы о двойной политике партии Фианна Фойл в области сохранения памятников. С одной стороны, правительство хвалили за его возрастающую щедрость (в законодательном и финансовом смысле), с другой, высмеивали за провал в ограничении опасных тенденций⁷⁴. В экономическом климате сегодняшнего дня Фонд столкнется со многими вызовами, однако можно предположить, что не произойдет отказа считать сельский особняк в Ирландии частью национального достояния, даже если приять во внимание тот факт, что нация – что-то вроде камелеона.

⁷⁴ McDonald F. Taoiseach's Espousal of the Big House Is at Odds with Government Record // Irish Times. 2005. 5 December.

Россия⁷⁵

На первый взгляд, есть удивительные параллели между историями англо-ирландского и российского дворянства и в судьбе культуры «большого дома» в конце XIX – XX в. Можно утверждать, что в обоих случаях в начале XIX в. наблюдался расцвет культуры усадьбы в русском случае и его продолжение в ирландском, в основном, за счет политической, социальной и экономической деградации низшего класса – крестьянства. В России и Ирландии дворянство и крестьянство были резко разделены в социальном отношении, даже если они были тесно связаны жизнью в поместье. Политический и экономический статус русского *мужика* как крепостного был даже ниже, чем у ирландского арендатора. Тем не менее, за исключением периферии Российской империи дворянство и крестьянство не были разделены религией. На многих отрезках границы империи не русское по происхождению дворянство ассимилировалось к православию и русской культуре, тогда как крестьянство сохраняло во многих отношениях местную культуру⁷⁶. Так или иначе, разрыв между вестернизированным дворянством, с одной стороны, и традиционным миром крестьянства, с другой, по крайней мере, сравним с протестантским джентри и его арендаторами-католиками в Ирландии. Как и большинство националистически настроенных ирландских арендаторов, крепостные в Российской империи смотрели на дворян как на иностранных самозванцев, захвативших однажды землю у их предков. Они надеялись, что добрый и справедливый царь когда-нибудь восстановит их права⁷⁷.

⁷⁵ Некоторые идеи, изложенные в этом разделе, взяты из: Noack Chr. Imperiale Geschichte und nationales Erbe. Zur Aneignung von Adelsitzen und Adelskultur in Russland und Irland // G. Hausmann und A. Rustemeyer (eds). Wege zum Imperienvergleich. Ansätze und Beispiele aus osteuropäischer Perspektive. Festschrift für Professor Andreas Kappeler zum 65 Geburtstag. Berlin, 2009. P. 339-362.

⁷⁶ Это, однако, не относится к балтийским провинциям и прежним польским землям.

⁷⁷ Goehrke C. Russischer Alltag. V. II. Auf dem Weg in die Moderne. Zurich. 2003. P. 255-257. О крепостной зависимости: Moon D. The Russian

Сельский дом (или, по-русски, усадьба⁷⁸) сильно отличался в размерах в зависимости от финансовых возможностей отдельного владельца. Как и в Ирландии, он был центром экономической и социальной жизни дворянина. Во второй половине XVIII в. магнаты, начиная с представителей княжеских фамилий или фаворитов царей и цариц, копировали дворцы императоров. Они выстраивали в поместьях огромные дома в классическом стиле или стиле нео-барокко с большими боковыми фасадами, богато украшенными впечатляющими интерьерами, особенно лестницами, устраивали парки с великолепными дорожками, спроектированные для охоты, и часто имели собственные церкви. Поскольку усадебный дом был центром поместья, амбары, конюшни и другие отдельные здания для слуг и сельскохозяйственных нужд закрывались им. Многие владельцы меньших по размерам поместий имитировали роскошный стиль жизни патриархальных магнатов. Хотя их дома были намного меньше, часто одно и двухэтажные деревянные строения, они имитировали ансамбли магнатов в более скромном виде. Ингерьер домов и окружающих парков предназначался, чтобы в качестве хозяев встречать приезжающих с визитом соседей-дворян и впечатлять их великолепием и вкусом. В первой половине XIX в. усадьба стала символом дворянской роскоши. Возможно, в большей степени, чем в Ирландии, даже в самых непритязательных владениях, везде были слуги-крестьяне⁷⁹. Была ли усадьба самопровозглашенным островком западной культуры в море крестьянского невежества, стало в последнее время предметом интенсивных дебатов среди историков. Критика направлена на современное

Peasantry 1600-1930. The World the Peasants Made. Harlow, 1999. P. 66-117.

⁷⁸ Об истории этого термина см.: Randolph. Old Mansion. P. 732; Pushkareva I. M. The Rural Noble Country House in Postreform Russia // Russian Studies in History. 2003. Vol. 42. N 1. P. 52-86.

⁷⁹ Field D. The End of Serfdom. Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855-1861. Cambridge (Mass.), 1976. P. 8-35; Gochrke. Op. cit. P. 41-44, 116-117, 120-121, 130; Roosevelt Pr. Op. cit. Passim.

происхождение этого клише и предполагает взаимное насыщение западной «высокой» и русской «низкой» культур⁸⁰.

Упадок

Крымская война и последовавшие за ней реформы, включая освобождение крепостных в 1860-е гг., представляли важный водораздел в истории российского поместья. В ходе этих реформ дворянство передало почти половину земель крестьянам, получив за это щедрую денежную компенсацию от государства. Новые землевладельцы-крестьяне компенсировали государство путем выплаты ежегодной ренты практически так же, как ирландские фермеры-арендаторы по различным законам, регулировавшим продажу земель. Как и в Ирландии, значительная часть капитала, полученного дворянами, пошла на выкуп закладов, сделанных еще прежними поколениями. Значительное меньшинство дворянства быстро адаптировалось к новому экономическому стилю жизни и развивало сельское хозяйство, например, специализируясь на выращивании сельскохозяйственных товаров, идущих на экспорт. Однако менталитет дворян, стремившихся к эксплуатации неоплаченного труда, сохранялся, и некоторые не смогли адаптироваться к изменившимся обстоятельствам. Такие землевладельцы или продавали землю, или сдавали ее в аренду крестьянам; многие из них уехали в города и поступили на гражданскую и военную службу⁸¹.

От выбора, сделанного дворянином, зависело дальнейшее развитие усадьбы как центрального пункта дворянской ци-

⁸⁰ Hughes M. The Russian Nobility and the Russian Countryside: Ambivalence and Orientations // Journal of European Studies. 2006. Vol. 36. N2. P. 115-137. О критике психологической интерпретации, предложенной, кроме прочих, Марком Раэфом (Raeff) и подхода Юрия Лотмана к поместной культуре см.: Marrese M. Lamarche. 'The Poetics of Everyday Behaviour' Revised: Lotman, Gender and the Evolution of Russian Noble Identity // Kritika. 2010. Vol. 11. N 4. P. 701-739.

⁸¹ Becker S. Nobility and Privilege in Late Imperial Russia. DeKalb, 1985. P. 7-14; Hildermeier M. Der Russische Adel von 1700 bis 1917 // Europäischer Adel 1700-1950. Göttingen, 1990. P. 191-193. Классические советские исследования о помещичьей экономике включают: Анфилов А. М. Крупное помещичье хозяйство европейской России. М., 1969; Дружинин М. Н. Русская деревня на переломе. М., 1978.

визации: тогда как первая группа включалась в размеренную деловую деятельность и избегала роскошеств и лишних трат; вторая группа становилась все более неспособной поддерживать прежний образ жизни (чеховский «Вишневый сад» и многие другие рассказы и пьесы конца XIX в. дают достаточные доказательства этому). Как и в Ирландии, в конце XIX в. в России многие дома и парки покидались и затем приходили в запустение и упадок⁸².

Культура поместья сохраняла жизнеспособность только в домах, принадлежавших магнатам или – здесь мы затрагиваем важное различие между Ирландией и Россией – кругах промышленников и интеллектуалов, которые приобрели заброшенные поместья в последней трети XIX в. Эти усиливавшиеся мобильные группы мало походили на викторианских бизнесменов в Англии, происходивших из среднего класса и покупавших дома в деревне с ростом своего богатства. Напротив, удачливые российские капиталисты, такие как Морозовы и Третьяковы, в основном происходили из крестьян; начинали приобретать поместья не раньше, чем во втором поколении, выросшем в городах и получившем блестящее образование⁸³.

В самом деле, образование было важным фактором в трансформации культуры поместья в России, происходившей в последние десятилетия XIX в. и в начале XX в. В XVIII в. и на протяжении большей части XIX в. дворянство было единственной социальной группой, имевшей, по меньшей мере, доступ к рудиментарному образованию (явившемуся, между прочим, обязательным для чиновников). Развитие системы образования, бюрократизация империи, а более всего, процессы модерниза-

⁸² Roosevelt Pr. Op. cit. P. 320. Пушкарева пишет, что количество поместий, принадлежавших дворянам, сократилось с 59 000 в 1877 г. до 39 000 в 1915 г. Самый высокий уровень упадка отмечался после революции 1905 г. Pushkareva. The Rural Noble Country House. P. 81, note 1. О поджогах поместий см. также: Victoir L. Creating and Preserving a Myth: Changing Attitudes About Country Estates in Late Imperial Russia // Revolutionary Russia. 2012. Vol. 25. N1. P. 61-85.

⁸³ Pushkareva. The Rural Noble Country House. P. 56, 61; Victoir L. Op. cit. P. 69.

ции на волне великих реформ 1860-70-х гг. создали новую образованную элиту, интеллигенцию. Эта элита переступила границы традиционного дворянства и бюрократической касты и скоро начала презирать их как столпы старого порядка. Как и новое поколение ирландских националистов последней трети XIX в., интеллигенция создала устойчивый стереотип ленивого и некомпетентного помещика, готового эксплуатировать бедных угнетенных крестьян⁸⁴.

С другой стороны, интеллигенты, выросшие в культурной идиллии поместий, скорее чаще, чем нет, сохранили восхищение некоторыми важнейшими элементами образа жизни дворян. В самом деле, русская интеллигенция вела образ жизни, в котором смешались западные буржуазные привычки и аристократическое мировоззрение. Проводить жизнь в привычках, свойственных дворянству, было привлекательно даже для тех интеллигентов, происхождение которых не было аристократическим. Здесь уместно вспомнить Чехова и хорошо известный факт, что он рассматривал приобретение им скромного имения как пик своей карьеры⁸⁵.

Художники, писатели, журналисты и другие представители интеллигенции старались купить дома в разоряющихся имениях, особенно располагавшихся в близости крупных городов, чтобы проводить в них летние месяцы. Независимо от индивидуального социального происхождения «многие владельцы в то время с энтузиазмом строили библиотеки, собирали коллекции и основывали то, что можно буквально назвать «музейными зонами». В конце XIX - начале XX в. члены финансовой и культурной элит смотрели на усадьбу как на центральный пункт за-

⁸⁴ Haumann H. Lebenswelten im Zarenreich: Ursachen der Revolution // The Russian Revolution 1917 / Ed. By H. Haumann. Köln, 2007. P. 26.

⁸⁵ Чехов купил имение Мелехово в 80 км к югу от Москвы в 1892 г. В письме к своему другу Щеглову он шутил: «Хорошо быть лордом». <http://feb-web.ru/feb/chekhov/texts/sp0/pi5/pi5-020-.htm> (Дата обращения - 16 Aug 2013).

ново созданной русской высокой культуры, от литературы до музыки и живописи⁸⁶.

Представители городского среднего класса копировали эту тенденцию, арендуя крестьянские дома или строя *дачи* в окрестностях Петербурга или Москвы. По мере того, как деревенская жизнь становилась все более модной в кругах ниже дворянства, образ жизни в имении соответственно менялся. Дворянские обычаи вытеснялись новыми, неформальными способами социального взаимодействия, предпочитаемыми буржуазией⁸⁷.

Таким образом, интеллигенция оказала влияние двойного характера: с одной стороны, писатели и публицисты представили интерпретационные модели, которые, в конечном счете, подорвут традиционный социальный порядок и нанесут смертельный удар по культурному доминированию дворянства в имениях. С другой стороны, та же интеллигенция постепенно опробовала и трансформировала главные элементы дворянской культуры и наполнила их новым значением. Как мы попытаемся показать в следующем разделе, эта частичная трансформация, произведенная интеллигенцией, обеспечила основу для принятия этих культурных форм и привычек в грядущем советском контексте.

Революция и после: 1917 г. – примерно 1930 г.

Можно утверждать, что вспышка насилия и разрушений в русской деревне в 1917-1921 гг. была гораздо более драматичной, чем в Ирландии. В то время как недавно была установлена более-менее достоверная статистика о количестве усадеб до революции, количество домов, уничтоженных в 1917-21 гг., может быть подсчитано только приблизительно. Любые квантитативные подсчеты осложнены тем, что уровень разрушений разли-

⁸⁶ Дмитриева Е., Купцова О. Жизнь усадебного мифа. Утраченный и обретенный рай. М., 2004. С. 3-6. См. также: Pushkareva. The Rural Noble Country House. P. 53-56. Основываясь на тех же источниках, Victoir слишком узко интерпретирует эти культурные проекты как попытку строительства русской нации.

⁸⁷ Lovell St. Between Arcadia and Suburbia. Dachas in Late Imperial Russia // Slavic Review. 2002. Vol. 61. P. 66-87.

чался по регионам⁸⁸. Центральные губернии России, характеризовавшиеся наибольшей насыщенностью дворянского землевладения и крестьянских общин бывших крепостных, без сомнения пострадали более всего⁸⁹. Возьмем пример Пензенской губернии: пятая часть всех усадеб была сожжена в конце осени и зимой 1917-18 гг.; и почти все усадьбы в отдаленных районах были уничтожены к 1919 г.⁹⁰

И в Ирландии, и в России нарушения земельных и собственностических прав дворянства оправдывались как возмещение предполагаемой «кражи», совершенной землевладельческим классом. Как правило, крестьянские общины коллективно организовывали захват земель в поместьях, чтобы вернуть их «тем, кто их обрабатывает». Подобные нападения, организованные растущей партией Шинн Фейн, происходили в Ирландии после февраля 1917 г. Интересно, что жизнь и собственность землевладельческих классов оказывалась под большей угрозой там, где отношения между дворянами и крестьянами были напряженными и в прошлом, например, во время революции 1905-1907 гг.⁹¹ Крестьяне действовали, в основном, самостоятельно, но новое большевистское правительство поторопилось легализовать захват земель «Декретом о земле», одним из пер-

⁸⁸ Данные Пушкарёвой за 1877-1915 гг. см. в примечании 81. О разрушениях см.: Roosevelt Pr. Op. cit. P. 329-330; Victoir L. The Russian Country Estate Today. A Case Study of Cultural Politics in Post-Soviet Russia. Stuttgart, 2006. P. 39-41.

⁸⁹ Chanon J. The Peasantry in the Revolution of 1917 // Revolution in Russia: Reassessments of 1917 / Ed. by E. Frankel. Cambridge, 1992. P. 110-12, 117-118, 121-124; Perrie M. The Peasants // Society and Politics in the Russian Revolution / Ed. by R. Service. N.Y., 1992. P. 15-19, 26-27, 30.

⁹⁰ Figes O. Peasant Russia, Civil War. The Volga Countryside in the Revolution (1917-1921). L. 2001 (1st ed. 1989). P. 52-53.

⁹¹ Figes O. Op. cit. P. 50-51; Perrie M. Op. cit. P. 21-24. О роли поджогов в сельских конфликтах в предреволюционной России см.: Frierson C. A. All Russia Is Burning! A Cultural History of Fire and Arson in Late Imperial Russia. Seattle, 2002. Было бы интересно проследить, до какой степени поджоги больших домов в Ирландии с географией деятельности Земельной Лиги или с планом ей кампании в 1880-х гг.

вых декретов, появившихся после Октябрьской революции. 10 ноября 1917 г. последовал декрет «Об отмене сословий и званий», отменявший все дворянские привилегии. Многие имения были сожжены во время гражданской войны, поскольку крестьяне опасались возвращения землевладельцев. Возможно, это было важной причиной уничтожения больших домов и в Ирландии. Наоборот, военные и стратегические причины, игравшие роль в войне за независимость в Ирландии, кажется, имели несущественное значение в России.

Но действительно ли русская *жакерия* 1917-1921 гг. равнялась кончине дворянской культуры поместья? Была ли она на самом деле более резкой и решительной цензурой, чем «ирландский костер поколений»? ⁹² Ретроспективный взгляд позволяет полагать, что в этом и было дело, особенно если сравнивать текущую ситуацию в Ирландии и России. Переоценка большого дома как части национального достояния произошла только недавно, тем не менее, ее результатом было восстановление некоторых больших домов в Ирландии. В России число недавно восстановленных сельских усадебных домов значительно меньше, и многие сохранившиеся здания находятся в скверном состоянии. Ирония, однако, в том, что в начале, в революционной России, будущее сохранения усадебных домов выглядело лучше, чем в только что получившей независимость Ирландии.

В первые годы Советской власти русская революция стерла дворянство как класс, а аристократическое поведение и образ жизни постоянно публично высмеивалась. Однако новый режим был относительно открыт в том, что касалось сохранившихся остатков материальной культуры усадеб. Тогда как церкви намеренно осквернялись и переделывались в кинотеатры, театры или магазины, многие усадебные дома стали музеями, исследовательскими институтами или санаториями ⁹³. Для сравнения: в то время как в Ирландии дома разрушались, становясь руинами, выжившие семьи владельцев могли вернуть хотя бы

некоторую часть предметов культуры, в России стены оставались нетронутыми, но сам дом подвергался опустошению. По крайней мере, в большинстве случаев, в зависимости от того, для чего здание намеревались использовать. Например, некоторые украшения могли быть сохранены, если здание предполагалось превратить в престижный санаторий ⁹⁴.

Когда императорские дворцы в Петрограде и Москве были открыты для публики, в повестке дня стояло продемонстрировать широким массам антиобщественный характер старого режима и легитимировать политический разрыв с прошлым. Превращение усадеб в музеи, кажется, вытекало из несколько иной логики. Во многих случаях усадьбы в провинциях сохранялись, потому что принадлежали писателям и художникам, рассматривавшимся как «прогрессивные» в пантеоне советской культуры. С интеллигенцией, имевшей глубокие корни в дворянстве, с усадебной культурой, принимавшейся многими интеллектуалами даже не аристократического происхождения, экспонирование этих домов неизбежно означало выставление на показ главных элементов образа жизни дворянства в XIX в. Фактически, усадьба как музей, будь то созданный до или после революций, в конечном счете выставлял мир, хорошо знакомый читателям русской классики. В самом деле, сельская усадьба была местом действия бесконечного числа рассказов и пьес XIX в. Многие из них в напечатанном виде были доступны на протяжении советского времени ⁹⁵.

Некоторые ведущие революционеры, включая Ленина, имели дворянские корни и придерживались весьма традиционного понимания высокой культуры. Они открыто предпочитали

⁹⁴ Например, советский курорт сохранял черты аристократической европейской культуры курортов с минеральными водами, но под предлогом открытия для низших классов. О декрете об оздоровительных курортах: Козлов И. Ленин и развитие санаторно-курортного дела в СССР. М., 1982; Noack Chr. Building Tourism in One Country?: The Sovietization of Vacationing, 1917-41 // Connecting Places and People: A Transnational Approach to European Tourism History / Ed. by E. G. Zuelov. Farnham, 2010. P. 171-195.

⁹⁵ Pushkareva. The Rural Noble Country House. P. 58-59.

⁹² Названия глав из книг О. Файджеса «Peasant Russia» и Дули «Decline...».

⁹³ Roosevelt Pr. Op. cit. P. 300-301; Victoir L. Russian Country Estate Today. P. 44-45.

дореволюционную литературу и искусство современным радикальным экспериментам. Ленин и многие другие большевики продолжили практику выезжать в деревню в сезон. Ленин проживал в поместье промышленника Морозова (сегодня Ленинские Горки), тогда как Луначарский, народный комиссар просвещения, предпочитал поместье Остафьево, когда-то принадлежавшее графам Шереметевым. Последний пример особенно показателен, поскольку Луначарский поддерживал деятельность «Ассоциации изучения русского поместья», в которую входили как потомки прежних владельцев, так и те, кто проектировал интерьеры (Павел Шереметев и братья Поленовы). Ассоциация издавала регулярный бюллетень, организовывала экскурсии в усадебные дома в окрестностях Москвы и высоко ценила культурные и эстетические достоинства архитектуры и ландшафта поместий. Во время сталинской «культурной революции» конца 1920-х гг. это молчаливое согласие закончилось, ассоциация была распущена, а ее видные члены арестованы или высланы⁹⁶.

С 1930-х гг. начался двадцатилетний период игнорирования культуры дворянской усадьбы в науке. Точнее, музей-усадьбы почти не тронули, но ни хрущевская оттепель, ни появление русского националистического крыла в Коммунистической партии в 1960-е гг. не привели к возрождению интереса к дворянской культуре или к архитектурному наследию усадебных домов, усадеб и парков на прежнем уровне. В 1950-е гг. произошла переоценка русской крестьянской культуры, которая была уничтожена почти полностью путем раскулачивания и насильственной коллективизации в 1930-х гг. Также руссофилия 1960-70-х гг. проявляла только периферийный интерес к усадьбам. Правда, что были проведены исторические исследования по социокультурному значению и архитектурной ценности некоторых усадеб, но наследие средневековой России, особенно церкви и монастыри Золотого Кольца, находились в центре русского возрождения. Интересно, что проблемы сохранения [исторического наследия] часто обсуждали в связи с охраной окружающей

⁹⁶ Roosevelt Pr. Op. cit. P. 330-332; Victoir L. Op. cit. P. 23-24; Pushkareva. The Rural Noble Country House. P. 57-58.

среды, что подчас находило выражение в указаниях на исчезновение усадебных садов и парков⁹⁷.

Наконец, в сталинский период связи, существовавшие между дворянской жизнью и дореволюционной дачной культурой, ослабли. Жизнь на даче была модернизирована в том смысле, что «полезная» деятельность, такая как самообразование и спорт, все больше вытесняли культуру праздности и неформального общения. Проводимая Сталиным и его преемниками политика также сделала дачу важным инструментом экономики выживания в условиях постоянных перебоев в снабжении продовольствием. Другими словами, крестьянская *изба*, а не дворянская *усадьба* стали ролевой моделью для дачи советской эпохи⁹⁸.

Таким образом, после материальных потерь лет революции и гражданской войны 1930-е гг. стали важным водоразделом в переоценке дворянской усадебной культуры. В лице старой интеллигенции сталинская революция сверху в основном уничтожила социальную группу, которая конституировала связь между дореволюционным дворянством и советским настоящим. В то же время сталинский поворот к русской культуре в 1930-е гг. подразумевал (хотя и выборочно) присвоение заново русской художественной и литературной культуры XIX в., в которую глубоко проникли идеи «красивой жизни» в усадьбе. Это имело долговременные последствия. Необходимо отметить, что самая важная научная попытка заново обосновать значение аристократического прошлого для русской национальной культуры была осуществлена Юрием Лотманом с конца 1970-х гг. Исследования Лотмана о дворянстве и усадебной культуре были почти

⁹⁷ Kochanek H. Die Russisch-nationale Rechte von 1968 zum Ende der Sowjetunion. Eine Discursanalyse. Stuttgart, 1999. P. 21-67. О Всероссийском обществе охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), основанном в 1965 г., см.: Victoir L. Op. cit. P. 48-49. Среди книг о садах бывших усадеб: Лихачев Д. К поэзии садов. К семантике садово-парковых стилей. Л., 1982.

⁹⁸ Lovell St. The Making of the Stalin-Era Dacha // Journal of Modern History. 2002. N 74. P. 253-288; Idem., Summerfolk. A History of the Dacha, 1710-2000. Ithaca, 2003. P. 136-145, 235.

полностью основаны на канонических русских классических литературных текстах⁹⁹. Понятно, что образ дворянской культуры, созданный по литературным канонам, нес черты свойственного интеллигенции презрительного отношения к действительному или мнимому декадансу XIX в., но он никогда не подразумевал ее полного отрицания или неприятия, характерного для советского политического и исторического дискурсов. Наоборот, именно изображения жизни в усадьбе, сочиненные литераторами XIX в., сформировали восприятие русской культуры более чем у одного поколения. Лелеемое в разного рода культурных артефактах и особенно в образовании советское прочтение русской культуры становится понятным как часть процесса строительства национального наследия¹⁰⁰. После революции популярность усадебного дома как сцены для литературных произведений, возможно, исчезла, но очевидно, что она еще сохраняется как глубокий отпечаток в коллективной памяти. Однако что произошло с материальными остатками дворянской культуры?

От советского к постсоветскому [времени]

К рубежу тысячелетия, пережив советское время, только 20% от установленных 50 000 дореволюционных усадеб сохранилось. Большинство из них расположено в районе 150-200 км вокруг столицы Москвы. Эта цифра может впечатлить, но она могла быть значительно выше, если бы многие усадебные дома не исчезли в более позднее время. Одной из причин было недофинансирование государственных учреждений, расположенных в них, в 1980-90-х гг. Поскольку их бюджеты сокращались, это

⁹⁹ Лотман обобщил свои находки в «Беседах о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 2006. (1-е изд. 1994). О хорошо обоснованной критике использования Лотманом исключительно художественных источников см.: Mattese. *The Poetics of Everyday Behaviour*. P. 702-713.

¹⁰⁰ Вестстейн В. Помещичья усадьба в русской литературе XIX–XX вв. // *Русская провинция. Миф – текст – реальность*. М.-СПб., 2000. С. 186-195; Victoir L. Op. cit. P. 125. Referring to K. Parthe “Russian Unreal Estate: Cognitive Mapping and National Identity // Kennan Institute Paper. N 265. Washington, 1997. P. 2-7.

вело к сокращению расходов на дома и флигели, которые просто оставляли разрушаться¹⁰¹.

Дела пошли еще хуже с разрушением советского государства в начале 1990-х гг. В первое постсоветское десятилетие различные финансовые и культурные учреждения ревностно защищали то, что они считали объектом своей исключительной ответственности и руководства, в то же время не предоставляя необходимых инвестиций для сохранения усадеб, парков и домов. Даже если они были готовы отдать ответственность, новых владельцев было не просто найти. Российская Федерация, как другие постсоветские государства, избегала (и продолжает избегать) создания сильных неправительственных или добровольных организаций, чтобы поддерживать правительственные структуры (или хотя бы не поставить под вопрос их монополию)¹⁰². Можно обнаружить, что даже восстановление «Ассоциации по изучению русской усадьбы» (ОИРУ) в 1992 г. не изменило ситуации сколько-нибудь существенно¹⁰³. Хотя существует небольшое лобби специалистов и любителей, которые высоко активны и являются энтузиастами, они не оказывают влияния в свете

¹⁰¹ См. подсчеты российского историка архитектуры Дм. Швидковского, цитируемого в предисловии Пр. Рузвельт к книге Victoir “Russian Country House Today”. P. 15. Victoir насчитал 500 сохранившихся усадеб вокруг Москвы и 250 в других частях европейской России. Она подсчитала, что не менее ста ежегодно обречены на погибель в связи с отсутствием внимания. Victoir L. Op. cit. P. 34.

¹⁰² Victoir L. Op. cit. P. 26-27, 53-68, 82-88. Стоит, однако, заметить, что сохранение исторических памятников (в том числе церквей) никогда не было приоритетом в имперской России: см. Victoir. *Creating and Preserving a Myth*. P. 69-72.

¹⁰³ Как и ее предшественница, ассоциация рассматривает себя как платформу для научного изучения и популяризации усадебной культуры и, как правило, не вмешивается в обсуждение вопросов наследия. Randolph. *Old Mansion*. P. 740-743; Victoir L. *Russian Country Estate Today*. P. 116-117. Как пишет Пушкарева, многие ученые и журналисты, проводившие исследования в позднесоветский период, являются активными членами общества. (Pushkareva. *The Rural Noble Country House*. P. 59-61. См. также сайт организации: <http://www.oiru.org/> (Дата обращения - 15 August 2010).

государственного противодействия их усилиям. Существующее положение с сохранившимися усадебными домами фактически является мораторием: исторические монументы не субсидируются должным образом ни местной, ни центральной властью, но и не продаются нуворицам¹⁰⁴. Бесхозные, без отопления и текущего обслуживания, они быстро ветшают. Более того, неопределенная политическая ситуация дала возможность незаконному захвату бывших усадебных земель, парков и садов, создав новые проблемы для сохранения архитектурных ансамблей¹⁰⁵.

С начала XXI в. наблюдаются новые тенденции. Во-первых, и это, вероятно, особенно важно, российское государство выздоровело в экономическом отношении, позволив тем, кто несет ответственность за сохранение культурного наследия, защищать свои требования с восстановленной кредитоспособностью. Фактически несколько выставочных мест выиграли от интенсивной реставрации, но остается много работы. К сожалению, не приходится сомневаться, что бюрократы от культуры будут еще меньше, чем когда-либо, мириться с тем, что посчитают вмешательством в область своих имущественных интересов и экспертизы. Кроме того, линия раздела между сторонниками государственных форм защиты памятников и сторонниками частных вложений была замарана в последние годы. Тому есть много причин, но главной является то, что в постсоветской российской политической культуре возникла особость: в годы Путина ветви государственной администрации создают собственные НГО или вступают в прямой конфликт с настоящими негосударственными организациями за внешнее финансирование. Таким образом подлинники НГО вытесняются, что имеет важный «побочный ущерб» - сближение бизнеса и государства в сфере социального и культурного спонсорства.

В-третьих, кроме Ассоциации по изучению русской усадьбы (АИРУ) появляются другие лоббисты. Их меньше интересуется ретроспектива, но они более восприимчивы к междуна-

¹⁰⁴ Victoir L. Russian Country Estate Today. P. 62.

¹⁰⁵ Roosevelt Pr. Introduction // Victoir L. Russian Country Estate Today. P. 15-17; Victoir L. Russian Country Estate Today. P. 26-27, 75-78, 127-128.

родным тенденциям. В большинстве они рассматривают английский Национальный фонд (National Trust) как лучшую возможную модель защиты памятников. Это не только влечет за собой признание успешных инициатив Национального фонда в сфере рынка наследия и туризма, но также ведет к большей восприимчивости взаимодействия между обществом и частным интересом. Среди таких лоббистов Российский фонд усадьбы, руководимый Ассамблеей российского дворянства, играет наименьшую роль, потому что вопрос о реституции усадеб бывшим владельцам никогда не рассматривалась в России всерьез¹⁰⁶. Два других конкурирующих фонда, названия которых почти не различаются, кажется, связаны с новым постсоветским истеблишментом гораздо крепче.

«Фонд возрождения русской усадьбы», основанный в 2000 г., сотрудничает с АИРУ, с одной стороны, и с государственными органами, такими как Московский городской совет и Российская Государственная Дума, с другой. Последняя организовывала выставки, посвященные культуре усадьбы. В настоящее время фонд создает базу данных об утраченных или сохранившихся усадьбах. Фонд описывает свои цели как «создание многосторонних соглашений между местными фондами, контролирующими собственность, и комитетами по культуре или иными государственными органами, занимающимися сохранением памятников». Это должно содействовать доступу к информации о юридическом статусе усадеб и относившимся к ним землям. Что касается приватизации, то фонд рассматривает себя как посредника между государством и потенциальными инвесторами, предлагая юридическую и практическую помощь в процессе приобретения¹⁰⁷.

«Фонд возрождения русской усадьбы», действующий с 2005 г., преследует такие же задачи, но более активен в средствах массовой информации. Он публикует глянцевоый журнал «Жизнь в усадьбе», посвященный сельской жизни аристократии в Европе и России. Кроме того, он организует ежегодные кон-

¹⁰⁶ Victoir L. Russian Country Estate Today. P. 117; о реституции: P. 88-95.

¹⁰⁷ Ibid. P. 117-119. Сайт: <http://www.fovrus.ru/> недоступен после 2008 г.

курсы по сохранению русской усадьбы, финансируемые при поддержке Министерства культуры. Фонд также стремится усилить сотрудничество между публичными и частными инвесторами в деле сохранения памятников, описывая наиболее удачные примеры в своем журнале¹⁰⁸.

Что это означает для будущего русских усадеб и усадебных домов? Во-первых, экономическое оздоровление страны открывает перспективу дальнейшей реставрационной работы. Можно предположить, что львиная доля инвестиций будет направлена на сохранения наследия, а именно императорских дворцов и зданий, связанных с работой и трудами знаменитых художников и писателей, в городах-столицах. В географическом плане это означает предпочтение памятникам в центральной России и в окрестностях Петербурга, где многие из них занесены в список памятников «федерального значения». Важно, что реституция церковной собственности (той, которая прежде не находилась в частном владении) означает, что государство уже не единолично несет ответственность за сохранение церковных зданий, что ведет к сильным протестам со стороны архитекторов и историков, как и лиц, ответственных за охрану памятников.

Вероятно, показателем растущего значения культурного наследия в России является тот факт, что потомки бывших владельцев исторической собственности назначались директорами музеев-усадьб: Толстой в Ясной Поляне возле Тулы, Лермонтов в Середникове недалеко от Москвы, возможно, в близком будущем в Выре вблизи Петербурга директором назначат Набокова. Такая практика «непрямой реституции» отражает особое почтение к писателям и художникам, характерное для советского и постсоветского периодов. В этом контексте стоит отметить, что попытки реституции, предпринятые некоторыми потомками

¹⁰⁸ Интервью с председателем, В. Алявердиным (Aliaverdin), Москва, 13.10.2007; Victoir L. Russian Country Estate Today. P. 118-119. Сайт: <http://www.fondus.ru> (Дата обращения - 15 August 2010). В виде глянцевого журнала «Столица и усадьба», издававшегося в Петербурге в 1913-1917 гг., «Жизнь в усадьбе» имела уже предреволюционного предшественника. Victoir L. Creating and Preserving a Myth. P. 79-80.

знатных семейств, не внесших особого вклада в литературу, неизменно терпели крах¹⁰⁹.

Приватизация не рассматривалась как предпочтительный выбор даже в тех случаях, когда государство определенно не хотело или не могло выделить средства для сохранения определенных усадеб. Хотя проект сотрудничества государственного и частного секторов широко поддерживался «Национальным фондом», представляется, что по разным причинам существует глубокое недоверие в плане привлечения частных владельцев. Например, чиновники от культуры ожидают нарушения своих прерогатив, защитники исторического наследия и историки искусства совершенно не верят вкусу и ответственности потенциальных инвесторов. Жизнеспособным вариантом преодоления этого на грядущие годы может быть долговременная аренда, поскольку это позволило бы администрации и защитникам наследия внимательно следить за выполнением арендаторами условий контрактов¹¹⁰.

Как ни считать, число потенциальных инвесторов представляется весьма скромным. Это совершенно понятно на фоне налагающихся друг на друга видов ответственности и неспособности (или нежелания) государства создать и поддерживать надежную законодательную базу для приватизации. В настоящее время неясно, можно ли получить достаточный доход от вложенных больших инвестиций на перестройку сельских домов в гостиницы или курорты¹¹¹.

¹⁰⁹ Victoir L. Russian Country Estate Today. P. 88-95. В 1997 г. о правах на остатки усадьбы Алабино (Alabino) вблизи Москвы было заявлено князем Александром Мещерским. Бывший инженер захватил сохраняющуюся сторожку, удерживал ее пару лет и был изгнан в 2001 г.: Ibid. P. 90-91.

¹¹⁰ Victoir L. Russian Country Estate Today. P. 26, 58, 79-82, 85-89; В ожидании инвесторов // Жизнь в усадьбе. 2007. №1. С. 5. См. примеры, описанные О. Троицкой-Миркович. Этот день изменил нашу жизнь // Жизнь в усадьбе. 2006. №3. С. 48-53; Павловская Т. На графских развалинах // Жизнь в усадьбе. 2007. №1. С. 40-48.

¹¹¹ Ойнас Д. Усадьба из-под земли // Жизнь в усадьбе. 2006. №1. С. 51-54.

Лишь немногие усадебные дома в сельской местности превращены в резиденции для проживания, хотя, кажется, что представители политической элиты с недавнего времени начали приобретать их¹¹². Очевидно, что высокая цена реставрации и довлеющий контроль со стороны чиновников от культуры и защитников исторических памятников отпугивают потенциальных инвесторов. Для богатых русских построить эклектичные копии в окрестностях Москвы дешевле и менее проблематично¹¹³. Даже если твердо установлен факт «усадебь как текста русской литературы»¹¹⁴, это не означает, что финансовые вложения обеспечат достаточно высокий уровень возврата инвесторам культурного и социального капитала. Если усадьба определенно принадлежала писателю или художнику, то это делает практически невозможной любую приватизацию или аренду для инвесторов, не связанных прямо семейными узами с бывшими владельцами.

В таких условиях можно скорее ожидать, что крупнейшие государственные корпорации России установят контроль над «жемчужинами» из числа сохранившихся сельских усадеб. Для этого в их распоряжении имеются финансовые возможности и институциональные связи. Остается только наблюдать, захотят ли они в широких объемах вкладываться в сохранение русской дворянской культуры усадебь и откроют ли они эти дома для широкой публики¹¹⁵.

Заключение

Работа над данной статьей привела авторов к пониманию того, насколько сильны параллели в историях сельских усадеб-

¹¹² Ходят слухи, что Дмитрий Медведев купил бывшее поместье возле Костромы незадолго перед тем, как поменялся местами в Путиным в 2012 г.

¹¹³ О ежегодной московской ярмарке современных сельских домов см.: <http://www.expostroy.ru/ru/su/> (Дата обращения - 15 August 2010).

¹¹⁴ Pushkareva. The Rural Noble Country House. P. 69 – цитирование польского филолога Vasilij Szczyk.

¹¹⁵ Об инвестициях в Московском и Тверском регионах Минатома, Юкоса, Вымпелкома и др. см.: Victor L. Russian Country Estate Today. P. 86-87.

ных домов в Ирландии и России, однако необходимо подчеркнуть, что у нас фокус направлен в меньшей степени на историю этих домов, а больше на те средства, с помощью которых они (ре)интерпретировались как «историческое наследие».

В первые десятилетия XX в. и Ирландия, и Россия пережили социальные и политические беспорядки. Жесткие революции и гражданские войны положили конец господству дворянства в политике, обществе и культуре. Одно из очевидных различий между двумя странами заключается в том, что в Ирландии культурная конструкция землевладельческого класса как «чужого» в национальном отношении заменила социальный конфликт между землевладельцами и арендаторами. В этом убеждает наложение понятий *арендатор*, *католик*, *ирландец* в противовес понятиям *лендлорд*, *протестант*, *англичанин*. На протяжении длительного времени такого рода уравнения мешали разумному включению большого дома в существующий канон ирландской национальной культуры. Потребовалось значительное время демографических и экономических изменений, прежде чем произошла переоценка места сельского дома в культурной истории Ирландии. В большой мере это происходило благодаря расширявшемуся с начала 1970-х гг. участию Ирландии в делах, связанных с европейской культурой, и возникшими требованиями туристической отрасли. Сельские особняки продвигались как часть общего наследия, ценимого за ту роль (иногда выдуманную), которую в строительстве и украшении их сыграли ирландские архитекторы, строители, ремесленники. Переоценка сельского особняка была необходима, чтобы открыть частные и общественные инвестиции для их сохранения.

В России, где социальный конфликт нашел проявление в отношениях между землевладельцами и крестьянами, также существовали степени отчуждения. В балтийских регионах империи или в Украине социальные различия между землевладельцами и крестьянством использовались, чтобы отделить «нас», зарождавшиеся крестьянские нации, от «них» - польских и немецких помещиков с их господствующей культурой. Эти границы, однако, в данной статье не исследовались. В сердцевине русских земель дворянство было инструментом в поиске государством путей к вестернизации в XVIII – начале XIX в. Образо-

вание, следовательно, вестернизация были почти исключительно привилегией дворянства, что создало расширявшийся культурный зазор между русским православным дворянством и русским православным крестьянством. Ирония в том, что образованные отпрыски русских дворян, породив интеллигенцию, в XIX в. с успехом поставили под вопрос господство дворянской культуры и образа жизни. Будучи в большинстве выходцами из аристократии, *интеллигенты* заявили, что говорят от имени угнетенного крестьянского большинства, и сумели подорвать основания политической и социальной системы поздне-имперской России. Тем не менее, обличение дворянства и его образа жизни было в каком-то отношении двусмысленным: писатели и художники «золотого века» русской культуры защищали привлекательный образ дворянской культуры, и многие представители русской интеллигенции в течение долгого времени сохраняли аристократические привычки в своей жизни. Одной из них было проживание части года в «культурной идиллии» сельского дома.

Вопреки этому атака на дворянство как класс во время революций и гражданской войны в России не была равнозначна «смерти» культуры усадебного дома, как полагает Рувельт. Многие видные большевики, включая Ленина, продолжали придерживаться «дворянских» по виду привычек интеллигенции. Потребовалась вторая культурная революция при Сталине и уничтожение старой интеллигенции, чтобы полностью порвались связи с дореволюционной эпохой. В то же время возврат при Сталине к русской культуре может интерпретироваться как осознанный акт конструирования исторического наследия средствами селективной деконтекстуализации. Парадокс в том, что сталинская идентификация классической русской литературы как части канонического свода советской культуры потенциально повлекла за собой переоценку культуры аристократического сельского дома. Усадебный дом и его обитатели продолжали жить в воображении советских читателей.

Правда и в том, что в советское время националистов внутри и вне партии больше привлекли элементы средневекового и православного наследия, чем аристократическое прошлое. Со времени падения Советского Союза российское государство все больше примеряло имперские традиции и их материальные

следы, но усадьбы все ждут открытия. Возможно, почитание мест, связанных с интеллигенцией, и развивалось в XX в., но масштабное и утвердительное принятие дворянской культуры не выглядит близким делом. Кажется, что дворянская культура все еще несет клеймо «чуждой». Представляется, что дискурсивное напряжение между Россией и Западом, характеризующее постсоветское развитие после краткого флирта с западным либерализмом в начале 1990-х гг., является препятствием для более широкого принятия дворянской культуры, заявившей когда-то о себе как о культуре прозападной и продвинутой.

(Перевод А. Б. Соколова)